

Политология. Международные отношения

УДК 324

С.А. Панкратов, С.Д. Гаврилов

ИНТЕГРАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

В статье анализируются практики интеграции институтов публичной политики в России. Уточнены условия и факторы, обуславливающие используемые коммуникационные стратегии институтов в современном пространстве публичной политики России по поводу реализации электронных форм голосования, цифровизации и диджитализации избирательного процесса. Настоящая работа посвящена детальному анализу коммуникативных стратегий интеграции институтов публичной политики, целью которых является внедрение в избирательный процесс цифровых технологий. В качестве вывода предлагается стратегия политического развития ответственного избирательного процесса, основанная на признании интеграции как наиболее оптимальной и результативной формы коммуникативного взаимодействия в контексте внедрения цифровых технологий.

Ключевые слова: публичная политика, институты публичной политики, интеграция, избирательный процесс, цифровизация.

Введение

Публичная политика современной России представляет собой сложное многомерное пространство взаимодействия акторов политического процесса с использованием формальных и неформальных традиций коммуникации для достижения общественно-политического согласия или формирования стратегии политического развития. Несомненно, в последние годы тематика информатизации, компьютеризации и цифровизации политического процесса стала одной из доминирующих среди практических политиков и экспертного сообщества. Вместе с тем, для публичных политиков данные темы являются «повесткой дня» на которую необходимо реагировать, а для экспертного и научного сообщества – проблемным полем, которое обусловлено как степенью значимости для развития современной России, так и более фундаментальными аспектами функционирования всего политического. Более того, в указанном контексте важна тематика не только и не столько цифровизация всей сферы политики, но и отдельных ее составляющих, например, цифровизация избирательного процесса.

Однако многовекторность в понимании современных демократических ценностей, в том числе принципов электронной демократии, которые обуславливают наиболее эффективное представление интересов в публичном пространстве, определяет необходимость интеракций различных политических институтов, согласованности действий для достижения единых целей или для формирования конкретного политического продукта. При этом проблемный характер механизмов и практик взаимодействия институтов публичной политики, который детерминируется индивидуальными интересами, при достижении целей актуализирует необходимость политического анализа различных вариантов согласованных интеракций политических институтов, а также их способность к интегративным коммуникационным стратегиям в контексте процесса принятия решений в области цифровизации избирательного процесса. Более того, информационно-коммуникационные технологии в публичном пространстве определяют необходимость реализации публичных практик осуществления электоральных процессов, в том числе и с применением электронного голосования.

Теоретико-методологические основания исследования интеграции институтов публичной политики в России

Понятие «публичная политика» в политологии имеет двойственную трактовку: как politics (публичное пространство деятельности государственных субъектов) и как policy (набор действий в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Стратегии, инновационные технологии институционализации и функционирования публичной политики в Волгоградском регионе» № 17-13-34039.

публичном пространстве для достижения конкретных политических целей различными акторами). С нашей точки зрения, наиболее целесообразно использовать концепт *policy*, для анализа не только совокупности институтов публичной политики, их взаимосвязи друг с другом, но и их коммуникативных стратегий, механизмов и программ, обозначенных в публичном пространстве. Более того, публичная политика представляется как сфера согласования интересов путем коммуникации, но не конкуренции, так как конкуренция предполагает использование борьбы как основного инструмента коммуникации. Напротив, публичная политика обусловлена сотрудничеством и кооперацией как наиболее интегративными формами взаимодействия. В указанном контексте наиболее примечательна позиция Е.С. Бабосовой, которая подразумевает под публичной политикой «плодотворное сотрудничество представителей правительства, местных властей, членов общественных организаций, экспертов, независимых исследователей, направленное на решение общественно значимых проблем» [2. С. 121]. Однако данное определение смещает наш фокус исследования с инструментария взаимодействия, обособывая только субъектный состав.

С другой стороны, представляется возможным анализировать публичную политику как совокупность механизмов и инструментов. В отечественной политологии данный концепт является достаточно разработанным и представлен в работах А.Ю. Сунгурова. С его точки зрения, публичная политика должна быть операционализована как «программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные на основе и с учетом ожиданий социальных групп (страт) общества через их представителей» [22. С. 15]. Однако и эта парадигма не является универсальной – в теневом поле исследования остаются, во-первых, деятельность неправительственных институтов (они выступают лишь индикаторами принимаемых решений), во-вторых, инструменты коммуникации институтов публичной политики (виден лишь конечный продукт коммуникации).

Вместе с тем существуют и комплексные трактовки публичной политики, которые наиболее максимально отражают специфику публичного пространства. Так, М.Б. Горный апеллирует к степени открытости и прозрачности публичной сферы предлагая понимать под публичной политикой «деятельность органов власти, направленную на удовлетворение публичных потребностей в сочетании с общественным участием, т. е. с участием граждан и их организаций в процессе подготовки, принятия и контроля исполнения (а в отдельных случаях и исполнения) властных решений» [7. С. 11], а В.А. Михеев в своей позиции отталкивается от приоритетности состава институционального взаимодействия: «деятельность, характеризующаяся системным взаимодействием государства, частного сектора, институтов гражданского общества, многообразных социальных, профессиональных групп и слоев, общественных объединений по поводу реализации личных и общественных интересов производства, распределения использования общественных ресурсов и благ с учетом волеизъявления народа или населения определенных территорий» [18. С. 14].

Таким образом, представляется наиболее оптимальным в рамках нашего исследования операционализировать публичную политику как пространство публичной коммуникации политических институтов, обуславливающее процедуру разработки и осуществления программ деятельности власти различного уровня, а также формирования актуальной повестки дня. Такое понимание публичной политики тесно связано с понятием общественного участия в процессе принятия и реализации политических решений, что, в свою очередь, предполагает интеграцию как форму институционального согласия.

Анализ интеграции институтов публичной политики в России обусловлен несколькими основаниями в отечественной политологии. Во-первых, это субъектный состав институционального поля. С одной стороны, институтами публичной политики являются все политические институты, функционирующие в публичном пространстве. С другой – только институты, деятельность которых публично освещается. Однако указанные трактовки уместны только при понимании «публичности» как сферы «доступности для каждого», через исключение контроля над доступом [16. С. 161]. Так, интеграция институтов публичной политики представляется естественным процессом общественного развития, где сосуществующие структуры вынуждены взаимодействовать и кооперироваться. При этом отсутствие четких механизмов интеграции является причиной ее хаотичности.

Относительно институциональной конфигурации существует несколько точек зрения. Первая базируется на классификации институтов публичной политики, основываясь на компонентах публичной сферы. В таком случае представляется возможным выделить экономические, социальные, социокультурные и гражданско-политические институты. В рамках такого подхода экономическими институтами, например, могут быть как государственные структуры, так и собственно финансовый сек-

тор. Иными словами, фокус исследования смещен с оси «государственный–частный». Согласно второй точке зрения, институты публичной политики – это любые политические институты включенные в систему принятия решений. Среди таковых – государственные органы власти (парламент, исполнительная власть различных уровней), неполитические организации и движения (общественные организации, совещательные органы при органах власти), отдельные группы граждан (профессиональные сообщества), коммерческий сектор (финансовые корпорации, бизнес-сообщество). Третья точка зрения акцентирует внимание на маркетинговой модели взаимодействия «заказчик – дистрибьютор – потребитель». В контексте такой модели институты публичной политики представляют собой взаимосвязанных акторов политического процесса: государственные институты – как заказчик услуги, институты гражданского общества – как посредник в распространении и рефлексии реализации услуги или продукта, отдельные группы населения – потребитель услуг.

Во-вторых, степень вовлеченности в процесс принятия решений. Ряд исследователей склонны оценивать публичную политику в России как состоящую из двух составляющих: теневую и периферийную. Теневой сектор политики является совокупностью центров принятия решений, а периферийный сектор выступает лишь агрегатором общественного мнения для выяснений одобрения или неодобрения населением принимаемых решений. С позиции Н.А. Шматко, «публичная политика существует, во-первых, как совокупность практических акций, превентивных мер (предупреждение преступности, наркомании, девиантного поведения...), контроля, регуляции, публичных обсуждений. Во-вторых, публичная политика – это ансамбль категорий социальной перцепции [восприятия], легитимных номинаций, социальных классификаций и иерархий, определений нормы и девиации, оценочных суждений» [25. С. 110]. Таким образом, публичная политика является формой репрезентации власти, и интеграция институтов публичной политики опирается на два причинных основания: интеграция как укрупнение позиции солидарности власти; интеграция как способ масштабного противостояния власти имущим.

В-третьих, различный функционал политических институтов. Сфера публичной политики в указанном контексте интерпретируется как совокупность взаимодополняющих институтов, которые вынуждены интегрироваться для достижения общественно значимого результата. При этом существует четкое разграничение на публичные государственные институты и публичные общественные институты, которые имеют единые основания деятельности (развитие политического, социального пространства), но обусловлены различными механизмами решения задач. Таким образом, интеграция институтов происходит по адресному принципу – она возникает тогда и только тогда, когда невозможно принимать политические и/или государственные решения автономно одной из сторон публичного процесса.

Вместе с тем, опираясь на позицию Т.А. Мордасовой, целесообразно выделять две модели интеграции интересов институтов публичной политики в политическом процессе: экспертно-бюрократическую (когда государство само занимается анализом общественных инициатив и внедряет их в процесс создания, разработки, принятия политических решений) и модель демократического участия (когда институты гражданского общества самостоятельно внедряются для формирования приоритетов и решений в области государственного управления) [19. С. 32-33]. Таким образом, первая модель интеграции основывается на подданнической коммуникации, характеризующейся одно-векторным взаимодействием; вторая – коммуникационной стратегии консенсусного типа, где различные институты осуществляют многовекторные информационные трансакции.

Цифровизация российской политики: опыт институционального взаимодействия

Построение информационного общества, как основы политического, экономического и социокультурного развития страны, является основной целью государственной информационной политики Российской Федерации. В условиях нарастающей с конца XX века информационной революции, связанной с созданием глобальных трансграничных информационных компьютерных сетей, реорганизация государственных институтов с целью повышения их эффективности становится основополагающей задачей государственных деятелей.

В Российской Федерации, как отмечает В. Меньшиков [17], первое комплексное осмысление государственной информационной политики выразилось в документе 1998 года – Концепции государственной информационной политики России. Данная концепция определила свободное создание, распространение и потребление информации как важнейшее конституционное право граждан [14], тем самым устанавливая данное направление политики одной из определяющих сил проведения

в России демократических преобразований общества и государства. Логичным продолжением развития государственной информационной политики стало принятие федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002–2010 годы)». Ее основной задачей являлось обеспечение перехода на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде различными органами государственной власти [23]. Далее, руководствуясь Концепцией долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года и Стратегией развития информационного общества, была создана и утверждена Правительством РФ Государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)». Данная программа реализуется по множеству направлений, среди которых создание электронного правительства, преодоление цифрового неравенства, развитие новых технологий связи [8].

Стоит отметить, что вышеуказанные меры демонстрируют, во-первых, реорганизацию органов власти на функционирование в публичном онлайн-пространстве; во-вторых, цифровизацию всего политического процесса. Однако в данном случае среди институтов публичной политики представлены только лишь государственные органы, целью которых является автоматизация процесса предоставления услуг населению. Вместе с тем, как отмечает А.А. Крылов, в современной России происходят революционные изменения относительно развития информационных технологий в политике, но, «несмотря на то, что сегодня органы власти, частный сектор и гражданское общество являются активными участниками информационных процессов, развивается институт «электронного взаимодействия», «электронная демократия», государство как центральный институт политической системы общества все больше берет на себя инициативу по скорейшему внедрению инновационных технологий, прежде всего интернет-технологий» [15. С. 124].

Таким образом, существующее состояние российской информационной политики позволяет нам квалифицировать интеграцию институтов публичной политики как модель подданической коммуникации. Указанное обстоятельство обусловлено, с одной стороны, изменениями в понимании демократических ценностей (смещение акцента со свободы выбора на ответственность последствий выбора), с другой – закономерностями социально-политического развития постиндустриального общества: «эволюционирование цивилизации, особенно в последнее время, сопряжено с неуклонным обновлением и, более того, расширением круга явлений и процессов, подлежащих управлению со стороны государства» [12. С. 108].

Вместе с тем говорить о полной монополизации государством сферы информационных технологий не приходится по нескольким основаниям. Во-первых, рынок информационно-коммуникационных услуг стремительно развивается путем включения новых игроков, как технологических компаний, так и пользователей услуг. Так, по данным мониторингового агентства Mediascope, аудитория потребителей интернет-контента в России неуклонно растет: за период с 2017 по 2018 год фиксируется увеличение на 4 %, а по сравнению с 2015 годом в 2018 году число уникальных посетителей выросло на 64 % и составило 1 миллиард 948 миллионов [1]. По данным исследовательской компании GFK, на 2017 год цифровизации общественной сферы в России происходит за счет включения в интернет-пространство людей старшей возрастной категории, причем доля интернет-пользователей среди людей в возрасте от 55 лет и старше увеличилась примерно на 25 % [10]. Таким образом, стоит говорить скорее не о консервации интернет-технологий в отечественном политическом процессе, а о формировании качественного рынка потребления цифровых технологий, который сопровождается государственным закреплением в нормативном пространстве, и создании стабильной возможности получения услуг и реализации своих прав посредством онлайн- и иных информационных технологий.

Таким образом, в процесс цифровизации российской политики включены различные институты публичной политики: государственные органы власти, муниципалитеты, институты гражданского общества (в большинстве своем структуры общественного контроля), а также IT-компании и другие бизнес-структуры. Более того, развитие современных технологий во всех сферах, в том числе формирование цифровой экономики, является стратегической задачей развития страны, указанной в Послании Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию в 2018 году [20], а цифровизация муниципалитетов оценивается экспертным сообществом как позитивная практика. Так, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва В.Б. Кидяев отметил, что применение цифровых технологий в муниципалитетах исключительно положительно скажется на прозрачности их деятельности: «Речь идет не только о прикладном применении – оказании массы муниципальных услуг гражданам удаленно, с экономией средств и времени. Но еще цифровизация многократно упрощает анализ, прогноз и управление» [13].

Цифровизация российского избирательного процесса: интеграция институтов публичной политики при внедрении IT-технологий

Постоянный интерес к модернизации российской политики, а также внедрение технологических новинок в деятельность институтов публичной политики обуславливают заинтересованность в увеличении применения интернета при организации и проведении избирательных процедур: «помимо модернизации информационно-коммуникационного направления, все больше возрастает интерес к внедрению дистанционного электронного голосования, путем использования сети Интернет» [6. С. 109]. Несомненно, ключевой аспект цифровизации избирательного процесса связан с процедурой осуществления волеизъявления граждан на выборах различного уровня. Это связано прежде всего с общественным запросом на упрощение процедуры выбора, с одной стороны; с другой – очевиден спрос структуры, занимающейся организацией выборов, а именно автоматизация процесса и ускорение в получении результатов.

Решением указанной задачи является дистанционное электронное голосование либо применение электронных технологий на избирательном участке. С позиции исследователей С.Ю. Белоконова и И.И. Чистова, «использование возможностей Интернета при организации и проведении дистанционного электронного голосования имеет ряд очевидных преимуществ, среди которых: рост явки; вовлечение в процесс голосования наиболее активной части граждан, что (при условии высокой верифицируемости процедуры) повлечет рост легитимизации результата; исключение необходимости использования открепительных талонов и досрочного голосования, выступающих в числе наиболее оспариваемых критиками российской избирательной системы практик; снижение транзакционных издержек (государственных расходов) на организацию выборного процесса – работу комиссий, аренду помещений, перевозку бумажной продукции и т. п.; экономия в проведении выборов в труднодоступных районах; привлечение к голосованию находящихся за рубежом избирателей» [3. С. 72]. Однако существующие системы электронного голосования подвергаются критике со стороны прозрачности при эксплуатации, в связи с чем дистанционное голосование «пока не выходит за рамки пилотных проектов в отдельных странах и продолжает оставаться предметом дискуссий как в политологическом, так и в экспертном сообществе» [9. С. 361]. Проблема еще заключается в том, что избиратель сомневается в достоверности и правильности транзакций конкретного решения при реализации собственной политической воли актор-сети, что, в свою очередь, предполагает риски легитимности результатов выборов. Вторым решением задачи цифровизации является использование IT-технологий при голосовании в режиме офлайн путем внедрения систем электронных урн (комплекса обработки избирательного бюллетеня – КОИБов), а также ГАС-выборы. Указанный инструментарий в российской практике используется несколько лет и имеет ряд недостатков, среди которых большие финансовые издержки.

Одной из технологических новинок в избирательном процессе считается использование технологии анонимной цепи транзакций – блокчейн. Указанная технология обладает как преимуществами, так и недостатками: с одной стороны, внедрение в актор-сеть актанта дает возможности избирателю отслеживать транзакцию собственного голоса, а также осуществлять мониторинг результатов голосования; с другой – имеет место сложность реализации технологического процесса, а также верификация пользователя как избирателя. Вместе с тем в публичном пространстве данная технология обладает популярностью в политико-институциональной среде. Так, технология уже успешно реализуется при осуществлении мониторинга и общественного контроля на выборах в России. Одними из первых полноценно технологию «блокчейн» стали использовать ВЦИОМ [5] и Национальный общественный мониторинг [4]. Более того, Председатель ЦИК РФ Э.А. Памфилова выразила интерес к внедрению блокчейн-технологий в избирательный процесс и подчеркнула, что, «может быть, следующие выборы у нас будут на базе блокчейна» [24].

Вместе с тем, при общей популярности темы среди отечественных политиков и экспертов, существует ряд проблем не только технологического характера, но и готовности институтов публичной политики к реализации внедрения цифровых технологий в избирательный процесс. Отсюда исследовательская гипотеза: институциональная среда российской публичной политики характеризуется коллективной ответственностью, что влечет за собой необходимость интегративных стратегий коммуникации при внедрении цифровых технологий в избирательном процессе. В качестве метода эмпирического исследования был выбран экспертный опрос на тему «Стратегии интеграции институтов публичной политики на примере цифровизации избирательного процесса в России» представителей

институтов публичной политики. Опрос проведен в августе 2018 года. N=35, выборка вероятностная, серийная (кластерная). Опрашивались респонденты, объединенные в следующие кластеры: 1) представители органов законодательной и исполнительной властей федерального уровня; 2) члены Центральной избирательной комиссии; 3) представители IT-корпораций; 4) руководители неправительственных и некоммерческих организаций, осуществляющих общественный контроль; 5) ведущие представители исследовательских и консалтинговых центров; 6) представители аппарата управления политических партий; 7) руководители общественных, совещательных структур при органах власти. Обоснование выборки заключается в следующем: во-первых, кластерная выборка охватывает всю совокупность институтов публичной политики; во-вторых, тема исследования является технически и организационно трудной, что обуславливает отказ выборки по субъективным критериям – доступности, типичности, равного представительства и т. п. Опросный лист составлен по блоковому принципу (каждый блок вопросов направлен на уточнения гипотез второго порядка). Результаты экспертного опроса состоят в следующем:

Во-первых, среди институтов публичного пространства, занимающихся именно внедрением цифровых технологий, чаще всего выделяют ЦИК РФ, IT-компании, а также совокупность органов государственной власти. Остальные институты (общественные организации, совещательные органы, политические партии и др.) оцениваются экспертами как организации, сопутствующие указанному процессу, а не реализующие его. Вероятнее всего, данная тенденция связана прежде всего с нормотворческим аспектом цифровизации выборов, а также создания конкретного IT-продукта, необходимого для диджитализации процесса.

Во-вторых, фиксируется слабая возможность реализации индивидуальной стратегии конкретным политическим институтом по цифровизации избирательного процесса (83 % респондентов). Под индивидуальной стратегией подразумевается формирование комплекса мер по внедрению и реализации информационно-коммуникационных технологий в избирательный процесс конкретной организацией (институтом). Отмечается, что наиболее вероятным механизмом влияния на процесс цифровизации является коллаборация деятельности как минимум трех и как максимум 5–7 организаций. Связано это прежде всего с тем, что, например, мониторинговые центры имеют необходимость автономизации процесса мониторинга и наблюдения на выборах, но не имеют технологического ресурса. А IT-корпорации имеют возможность создавать конкретный IT-продукт, но вынуждены искать рынок сбыта, а также законодательное закрепление возможности реализации продукта.

В-третьих, наибольшая заинтересованность при реализации цифровых технологий на выборах отдается в первую очередь модернизации существующей системы КОИБов (54 %), во вторую очередь – технологии блокчейн (29 %), в третью очередь – системам дистанционного наблюдения за голосованием (17 %). С нашей точки зрения, указанные приоритеты вполне вписываются в существующую повестку дня и обуславливаются степенью реального внедрения конкретного технологического продукта.

В-четвертых, наибольшее участие в избирательном процессе с применением цифровых технологий фиксируется экспертами при организации общественного контроля, а не выборов. Данное обстоятельство, вероятно, объяснимо тем, что на настоящий момент не существует юридического закрепления электронного голосования в России. Однако резолюция, созданная по итогам Первого Всероссийского Конгресса общественных наблюдателей, который прошел в Москве 17–18 августа 2018 г., уже декларирует эту инициативу: «Предложить Федеральному собранию РФ проработать вопрос о необходимости принятия законопроекта по электронному голосованию с включением в процесс обсуждения представителей "Национального общественного мониторинга"» [11].

В-пятых, среди вариантов коммуникации различных институтов публичной политики наиболее востребованными являются: 1) создание совместных разовых проектов по внедрению комплексов электронного голосования в России; 2) формирование площадок совместного развития для обмена существующим опытом по участию в цифровизации избирательного процесса. Меньшую поддержку среди респондентов получили внешний мониторинг состояния и развития избирательной сферы, а также создание продукта по диджитализации предвыборной агитации (как за конкретного кандидата / партию, так и выборов в целом). Стоит отметить, что указанные тенденции не являются типичными для отечественного политического процесса. Скорее всего, респонденты указали на такую конфигурацию коммуникационных стратегий опираясь на опыт избирательного цикла 2016–2018 гг., в рамках которого использовались агрессивные инструменты агитации в рамках политического маркетинга и PR. Как отмечают эксперты, в рамках последнего избирательного цикла использовался це-

льный спектр интернет-технологий политического PR, среди которых таргетированная реклама, оптимизация под поисковый трафик, контент-маркетинг и др. Количество и качество контента, транслируемого с помощью вышеназванных инструментов, были массивными, что показало перенасыщенность политического рынка. Более того, как справедливо отмечает М.В. Смирнова, «в современном мире интернет-технологии предоставляют обществу грандиозные возможности, которые, однако, требуют от политической сферы не менее грандиозной перестройки» [21. С. 110].

В-шестых, существенными недостатками реализуемой концепции цифровизации избирательного процесса эксперты считают: 1) трудоемкость при нормативном регулировании системы электронного голосования (51 %); 2) слабую заинтересованность участников пассивного избирательного права во внедрении электронных форм голосования (49 %).

Выводы

Существующая система коммуникации институтов публичной политики обусловлена рядом взаимосвязанных причин. Наиболее значимым условием коммуникационных стратегий, выбираемых институтами, является ориентация на государство как установителя «правил политической игры». С одной стороны, такой подход бюрократизирует процесс реализации и применения электронных форм при организации выборов, с другой – обеспечивает единые стандарты деятельности при реализации на политическом рынке конкретного технологического продукта. Второй причиной можно назвать узкое понимание представителями публичной сферы цифровизации как процесса «механизации и автоматизации». Иными словами, цифровизация избирательного процесса скорее определяется как инструмент по минимизации человеческого фактора при осуществлении выборов. Такой подход, с нашей точки зрения, не совсем корректен. Внедрение электронных и иных информационно-коммуникационных технологий должно сопровождаться развитием человеческого капитала как формы сосредоточения знания. Более того, ориентация исключительно на машинный принцип организации выборов не является популярной мерой среди населения, что провоцирует риски стабильности функционирования всего государства как инициатора или исполнителя нововведений.

Указанные причины определяют необходимость формирования инновационного подхода к реализации стратегии политического развития отечественного избирательного процесса, который должен быть основан на признании интеграции в качестве наиболее оптимальной формы коммуникативного взаимодействия, основанной на:

1) координации деятельности институтов публичной политики с учетом специфики их деятельности, а также коллаборации в контексте генерирования технологических продуктов для политического рынка, в том числе выборного процесса;

2) агрегировании интересов населения путем предложения электронных форм голосования на общественных инициативах и дальнейшей апробации результатов цифровизации общественного контроля на выборах;

3) формировании постоянно действующего независимого «центра публичного реагирования» как некой общественной структуры, кооперирующей общественные инициативы в области внедрения цифровых технологий и являющейся посредником между различными институтами с целью систематизации процесса реализации продукта по оси «спрос – предложение»;

4) генерировании консенсусного продукта, инициированного по схеме снизу–вверх (уточнение общественного запроса – формирование консолидированной инициативы институтов гражданского общества – нормативное регулирование – технологическая разработка продукта – реализация продукта – уточнение общественной реакции).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аудитория интернета в России выросла на 4 % [загл. с экрана] // [Электронный ресурс]. URL: <http://mediascope.net/press/news/812866/> (дата обращения: 22.08.2018).
2. Бабосова Е.С. Концептуализация понятия «публичная политика» // Социологический альманах. 2013. № 4. С. 120-127.
3. Белоконов С.Ю., Чистов И.И. Электронное голосование как перспектива политического процесса: возможности и ограничения «Цифровой политики» // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 5 (29). С. 69-77.

4. Блокчейн-платформа НОМ и Verifier верифицируют голосование на президентских выборах [загл. с экрана] [Электронный ресурс]. URL: <https://nom24.ru/info/opinion/blokcheyn-platforma-nom-i-verifier-verifitsiruyut-golosovanie-na-prezidentskikh-vyborakh/> (дата обращения: 23.08.2018).
5. ВЦИОМ внедрит блокчейн-технологии для проведения exit poll на выборах [загл. с экрана] [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/election2018_news/20180305/1515731590.html (дата обращения: 23.08.2018).
6. Гончарова В.Г., Липаева Е.Е. Использование возможности сети Интернет в избирательном процессе // Сб. курсных работ в области избирательного права и избирательного процесса. М.: РЦОИТ, 2012. С. 108-122.
7. Горный М.Б. Вместо введения // Публичная политика: проблемы мягкой безопасности в Балтийском регионе / под ред. М.Б. Горного. СПб.: Норма, 2004. С. 52-147.
8. Государственная программа «Информационное общество» (2011–2020 годы) [Электронный ресурс]. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/1/> (дата обращения: 20.08.2018).
9. Грачев М.Н. Электронное голосование: «за» и «против» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 360-366.
10. Исследование GFK: Проникновение Интернета в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-pronikновение-interneta-v-rossii/> (дата обращения: 21.08.2018).
11. Итоги Всероссийского Конгресса общественных наблюдателей – 2018 [загл. с экрана] [Электронный ресурс]. URL: <https://nom24.ru/info/opinion/itogi-vserossiyskogo-kongressa-obshchestvennykh-nablyudateley-2018/> (дата обращения: 24.08.2018).
12. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. М.: Норма, 2008. 144 с.
13. Кидяев: цифровизация российских муниципалитетов начнется в ближайшем будущем [загл. с экрана] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/economics/kidyayev-cifrovizaciya-rossiyskikh-municipalitetov-nachnyotsya-v-blizhayshe-budushhem.html> (дата обращения: 23.08.2018).
14. Концепция государственной информационной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iis.ru/library/sip/> (дата обращения: 20.08.2018).
15. Крылов А.А. Концептуализация государственной информационной политики Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. История и право. 2018. Т. 8, № 1 (26). С. 123-129.
16. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
17. Меньшиков П.В. Эволюция государственной информационной политики в России [Электронный ресурс]. URL: <http://intcom-mgimo.ru/2017-04/state-information-policy-of-russia> (дата обращения: 20.08.2018).
18. Михеев В.А. Социальное партнерство и пути совершенствования публичной политики // Власть. 2005. № 7. С. 13-19.
19. Мордасова Т.А. Факторы развития общественного участия в современной российской публичной политике // Власть. 2010. № 1. С. 30-33.
20. Послание Президента Федеральному Собранию [загл. с экрана] [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 22.08.2018).
21. Смирнова М.В. Применение интернет-технологий в предвыборной кампании РОДП «Яблоко» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2012. № 4. С. 107-110.
22. Сунгуров А.Ю. Публичная политика и экспертиза // Пчела. 2004. № 1 (45). С. 15-16.
23. ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)» [Электронный ресурс] URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/6/> (дата обращения: 20.08.2018).
24. ЦИК использует блокчейн на следующих выборах президента России [загл. с экрана] [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.insider.pro/topnews/2018-03-19/cik-ispolzuet-blokcheyn-na-sleduyushih-vyborah-prezidenta-rossii/> (дата обращения: 24.08.2018).
25. Шматко Н.А. Феномен публичной политики // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 106-113.

Поступила в редакцию 29.08.2018

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения

E-mail: pankratov@volsu.ru

Гаврилов Сергей Дмитриевич, ассистент кафедры

международных отношений, политологии и регионоведения

E-mail: gavrilov_sd@volsu.ru

Волгоградский государственный университет

400062, Россия, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100

S.A. Pankratov, S.D. Gavrilov

INTEGRATION OF PUBLIC POLICY INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE ELECTORAL PROCESS IN CONTEMPORARY RUSSIA

The article analyzes the practices of integration of public policy institutions in Russia. The conditions and factors that determine the communication strategies of institutions used in the modern space of Russian public policy regarding the implementation of electronic forms of voting, digitization and digitalization of the electoral process are specified. The paper is devoted to a detailed analysis of communicative strategies for the integration of public policy institutions, the purpose of which is to introduce digital technologies into the electoral process. In conclusion, the strategy of political development of the domestic electoral process is proposed based on the recognition of integration as the most optimal and efficient form of communicative interaction in the context of the implementation of digital technologies.

Keywords: public policy, public policy institutions, integration, electoral process, digitalization.

Received 29.08.2018

Pankratov S.A., Doctor of Political Science, Professor, Head of Department of International Relations, Political Science and Area Studies

E-mail: pankratov@volsu.ru

Gavrilov S.D., Assistant at Department of International Relations, Political Science and Area Studies

E-mail: gavrilov_sd@volsu.ru

Volgograd State University

Prosp. Universitetsky, 100, Volgograd, Russia, 400062